

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Е. Н. Студенецкая

РАССЛЕДОВАНИЕ 120 ЛЕТ СПУСТЯ

В 1965 году в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), в фонде канцелярии помощника начальника Кубанской области по управлению горцами (фонд 774, оп. 2, ед. хран. 375), мною было обнаружено очень интересное судебное дело более чем столетней давности. На мой взгляд, оно заслуживает специального рассмотрения как документ, содержащий много этнографических и исторических сведений. Полный заголовок дела — «Об иске жителя Зеленчукского округа Казн Касаева на часть имения, оставшегося от смерти матери его Докан Касаевой, бывшей в замужестве за жителем Эльбрусского округа Батоко Карамурзиным». Начато 1867 г., кончено 1868 г. л. 1—23.

В деле, как увидим, есть документы более раннего происхождения. В нем имеются две описи имущества: 1. Докан Касаевой-Карамурзиной, литеры А (л. 19, 21, 23). 2. Докан Карамурзиной-младшей, литеры Б (л. 18, 20).

Обратим внимание на дату. Из нее следует, что описываемые в деле события происходили еще до крестьянской реформы 1861 г., а частично и до окончательного «замирения» Северо-Западного Кавказа (1864 г.), до установления русского государственного управления в этом районе.

Действующих лиц четверо: Докан Касаева, впоследствии Карамурзина, ее второй муж Батоко Карамурзин, ее сын от первого брака Казн Касаев (истец) и дочь от второго брака Докан Карамурзина. Все они кабардинцы княжеского сословия. Но жили они, как видно из документов, не в Кабарде, а за Кубанью. Из этого вытекает, что они были потомками так называемых «хаджиретов», или «беглых» кабардинцев, не желавших подчиниться русским властям и бежавших за Кубань в 20-х годах XIX в. Эти «беглые кабардинцы» поселились за Кубанью и в дальнейшем составили значительную часть населения современной Карачаево-Черкесии (черкесов). Однако в момент рассмотрения дела истец Казн Касаев жил уже на родине — в Малой Кабарде.

Казн Касаев и Батоко Карамурзин имели русские воинские звания, присваивавшиеся лицам знатных фамилий в качестве награды за верность и с целью создания опоры царизму в среде местных феодалов. Батоко Карамурзин был поручиком, Казн Касаев — прапорщиком. Таким образом, в документах дела косвенно отразились определенные исторические события и политика царской власти на Северном Кавказе. К сожалению, в документах нет никаких сведений о времени рождения или возрасте действующих лиц, но эпоха, в которую происходили события, выясняется по ряду деталей.

Главным «действующим лицом» является Докан Касаева, мать Казн. Первый ее муж — князь Касаев, по-видимому, умер. Прямых указаний на это в документах нет, но об этом можно догадаться по одной фразе, сопоставив ее с местным адатом. После смерти мужа Докан Касаева по любви вторично вышла замуж, оставив сына. По местному обычному праву вдове предоставлялись три возможности: 1) согласно обычаю левирата, выйти замуж за брата покойного мужа или

его ближайшего родственника, не зависимо от того, были они женаты или нет; 2) остаться вдовой и жить в семье мужа вместе с детьми; 3) если вдова выходила замуж вторично, она должна была оставить детей в семье покойного мужа.

Как видно из содержания документа, Докан выбрала последний вариант — оставила сына и переселилась с новым мужем в Эльбрусский округ.

Причина такого поступка становится ясной из выступления эфенди (муллы), приглашенного в суд свидетелем и знатоком по вопросу о сумме калыма за Докан. «Слыхал, что он (калым за Докан) был определен в 1500 руб. серебром, — говорит эфенди, — хотя слишком велика сумма калыма за такую женщину, как Касаева, которая была уже замужем, но я знаю, что Ботоко (второй ее муж. — Е. С.), женись на ней, не стал бы противоречить, если бы определили калым в 5000 руб. серебром, так как «оба они в то время очень любили друг друга»». Не правда ли, необычная цитата из архивного документа?

Во втором браке у Докан от горячо любимого мужа родилась дочь. По местным понятиям, в качестве первенца желателен сын, но и дочь была встречена с радостью. Ее назвали именем матери, тоже Докан, что противоречило общепринятым местным нормам. По обычаю имя детям давалось не родителями, а кем-либо из родственников или посторонних лиц, пришедших в дом и вступавших в таком случае как бы в число родных семьи.

Наречение дочери именем матери можно объяснить только двумя причинами: или любовью родителей и пренебрежением к существующему обычаю, или исключительными качествами ее матери Докан-старшей — красотой, трудолюбием, добротой и т. п., следствием чего было то, что из уважения к матери посторонние люди нарекли новорожденную ее именем.

Маленькая Докан, как это полагалось детям знатного горца, по обычаю аталычества, воспитывалась не дома, а в семье крестьянки Хадокан, у которой ранее воспитывалась и ее мать. Мы узнаем об этом, как и о других фактах, из текста документа. Мать девочки перед смертью, распоряжаясь своим имуществом, сказала, чтобы Хадокан, воспитавшей ее дочь и ее саму, «выдать из ее имения цену одного крестьянина по кабардинскому адату, т. е. 200 рублей».

То что девочка воспитывалась в семье аталычки ее матери, было необычно и могло объясняться только любовью к ребенку его родителей. Девочку отдали женщине, чьи достоинства были уже доказаны воспитанием матери, а не просто кому-либо, обратившемуся к родителям с просьбой дать ребенка на воспитание. Желающих воспитать ребенка знатного и зажиточного человека всегда было достаточно. Это объяснялось тем, что родители ребенка становились покровителями семьи воспитателя-аталыка и часто щедро награждали его.

Как мы упоминали выше, в деле имеется подробная опись «имущества Докан Карамурзиной-младшей», которая значится под литерой Б. Приведем фразу из документа: для младшей Докан были сделаны «все необходимые наряды из серебра и золота для того, чтобы выдать ее замуж сообразно с родопроисхождением». Обратимся к материалам описи. Перед нами, следовательно, условно говоря, «типовое» приданое знатной девушки-кабардинки. Слово «приданое» не совсем точно. Приданого в русском смысле горянки не имели, и вопрос о приданом не возникает ни в одном документе. Но девушка, достигшая брачного возраста, что выражалось фразой «которая уже ходила на танцы», должна была иметь праздничный костюм. Кроме того, заранее заготавливалось большое число изделий, сделанных руками невесты, раздававшихся как подарки родным мужа.

Адыгские девушки знатного происхождения с детства обучались искусству золотого шитья. Отражение этого мы находим и в описи: в нее внесены «работы маленькой Докан разного рода — вышитые серебром и шелком украшения для головной шапочки». Видимо, обязательными в приданом девушки были «наперстки серебряные с чернью и ножницы».

Почти против каждого предмета описи обозначена его оценка. На первом месте в описи значится «шапочка из галуна с серебряной вызолоченной верхуш-

кой — 40 руб». Судя по описанию, это типичная кабардинская *дыщэпылэ* («золотая шапка») знатной и богатой кабардинки.

На втором месте числится предмет, также характерный для кабардинской феодальной среды, — «корсет из красного сафьяна с серебряными вызолоченными бляхами, которых 23 пары — 55 руб». Корсет носили девушки с 10—12 лет. Его снимали в первую брачную ночь и отдавали родственницам мужа. Нам известны всего три корсета, хранящиеся в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград) и Государственном музее Грузии (Тбилиси). Самый нарядный из них сделан тоже из красного сафьяна (красный цвет считался дворянским цветом), но украшен только серебряным галуном. 23 пары серебряных блях (упоминаемых в описи), вероятно были расположены по обе стороны разреза и прикрывали крючки, за которые цеплялись шнуры завязок.

Под № 3—4 значатся «приборы для нагрудника на двух красных ремнях, серебряный позолоченный (20 руб.), и второй с серебряными цепками и побрякушками из нейзильбера (4 руб.)».

Под № 13 и 14 упоминаются деревянные «сандалы» (*пхъэвакъэ*). Одни «новые обтянутые черным хозом (шагренью.— *Е. С.*) и украшенные серебром с чернью (40 руб)», а вторые — «украшенные польским серебром» (10 руб.). Надевались «сандалы» при торжественных выходах, на праздник, на танцы. Эта обувь, обязательная для знатной девушки, имелась у Докан, так же как и нагрудники, в двух вариантах — более богатые и более скромные.

№ 5, 6, 7 обозначали рукавички из черного бархата (20 руб), из черного атласа (4 руб), поношенные и «из красного шелка (8 руб) с серебряными застежками, пуговицами, побрякушками». Видимо, это рукавички, надевавшиеся поверх длинных рукавов рубахи и видимые из-под коротких рукавов платья.

Самой дорогой вещью (63 руб) был «пояс, вышитый серебром, с большими массивными серебряными вызолоченными пряжками, новый».

Попробуем представить облик младшей Докан, собравшейся на танцы. Описание дает полную возможность это сделать.

«Бешмет (распашное платье.— *Е. С.*) из красного атласа с серебряной отделкой, был надет на «рубашку» из розового тюля или «газовую с блестками», широкие рукава которой ниже локтей были схвачены черными или «красными шелковыми рукавичками» с серебряными пуговицами и побрякушками. В вырезе груди были видны серебряные «приборы к нагруднику». Тяжелый пояс с серебряными пряжками не мог удержаться на тонкой, затянутой корсетом талии и спускался почти на бедра. Поверх высокой «шапочки из галуна с серебряной верхушкой» была накинута белая шаль («чадра») или какой-либо другой платок из перечисленных в описи. Ведь в свадебный костюм невесты входило девять платков (и платочков), повязывавшихся на талию, руки выше локтя, на пальцы рук, а также накидывавшихся на голову. Запасать эти разнообразные платки начинали с детства. В особо торжественных случаях на ноги, обтянутые сафьяновыми мягкими носочками и туфельками, надевались деревянные ходули, напоминавшие скамеечки (они были обтянуты шагренью и украшены серебряными с чернью накладками), или же другие, более простые, украшенные «польским серебром». Было у Докан и пять серебряных перстней («один из них с цепкой и наперстком»), а также два серебряных браслета.

Сумма оценки вещей, перечисленных в описи: «триста девяносто шесть рублей, восемьдесят пять копеек», по тем временам была очень значительной, особенно в сопоставлении с ценами на скот.

Мы попытались представить себе облик маленькой Докан. Она умерла раньше своих родителей. Ни возраст умершей, ни причина смерти нам неизвестны. Думается, что она была уже подростком, судя по ее нарядам. Нам понятно горе матери, ненадолго пережившей дочь.

В документах указывается, что Докан-старшая болела и ездила лечиться в Пятигорск, для чего Батоко занимал 100 руб. у подполковника Калиновича. Имущество даже зажиточного кабардинца обычно заключалось в скоте, а на-

личных денег всегда было недостаточно, особенно если надо было выложить сразу значительную сумму. Видимо этим объясняется заем у Калиновича. Однако лечение не помогло. Докан вернулась и умерла у себя дома. Перед смертью она сделала ряд распоряжений по поводу своего имущества. Как верующая мусульманка, она завещала разделить все «по китабу», т. е. мусульманскому праву и сделать это после того, как доля имения будет роздана нищим и уплачены все ее долги. Докан выделила традиционную сумму (300 руб.), на совершение хаджа за умершего — путешествия в Мекку для поклонения гробу пророка. Не забыла Докан о своих долгах крестьянам (лошадь и др.), а также о выплате 200 руб. аталычке Ходокан.

По кабардинским адатам, замужняя женщина имела свое отдельное от мужа имущество. Оно составлялось из полученного наследства от родителей или умершего мужа, а также свадебных подарков. В состав имущества входили личные вещи, скот, крепостные и рабы.

В списке крестьян, принадлежавших Докан, насчитывается 31 душа: одна семья в 9 душ и две семьи по 8 душ в каждой. В этих семьях «правных крестьян» (т. е. крепостных) женатые сыновья вместе со своими детьми жили нераздельно с родителями, т. е. такие семьи были трехпоколенными. Кроме того, в списке названы две семьи по 3 души и, наконец, унаутка с пятью детьми. Согласно адату, унаутки (рабыни) не имели права на законную семью. Прижитые ею от кого-нибудь (иногда от ее владельца) дети были бесправными рабами и считались собственностью владельца. Последний давал им имена, часто носившие характер кличек. При разделе имения или продаже унаутов такие незаконные семьи, как правило, разбивались. Продажная цена унаутов была выше, чем крепостных. Крепостные, по адату, могли быть проданы только целыми семьями. Правда, в архивах можно видеть много дел, показывающих, что этот обычай нередко нарушался. При разделе имущества, чтобы не дробить семью, ее часто целиком присуждали одному из наследников, а остальные должны были получить с него возмещение деньгами или скотом.

По ходу раздела имения Докан Касаевой-Карамурзиной получилось, что разделу должны были подвергнуться две равные по числу членов крестьянские семьи, так как в обоих случаях один из членов семьи (отец или мать) принадлежали собственно Батоко, а второй — Докан. Решение суда было гуманно — чтобы не дробить семьи, считать их полностью одну за Батоко, другую — за Докан.

Приведенные выше материалы позволяют представить характер отношений в семье Батоко, видимо, дружной. Но мы имеем возможность понять и условия материального быта семьи по описи имущества Докан-старшей, сделанной в 1862 г.

Опись приданого Докан-младшей помогла нам составить не только общее впечатление об одежде кабардинской княжны, но и представить ее внешность, «увидеть» (вообразить), как она выглядела, когда «шла на танцы». Опись имущества Докан-старшей имеет иной характер. Она ярко показывает быт и жилище кабардинской семьи довольно высокого социального статуса и достатка.

Прежде всего интересно отметить, что в этой описи значится много вещей, относящихся к убранству жилища, утвари и др., которыми несомненно, пользовалась вся семья в целом. Обычно такие описи составлялись после смерти взрослых членов семьи для установления опеки над детьми. В данном же случае жив был глава семьи Батоко, а детей не было. Сама Докан-старшая в это время была еще жива. Но в 1862 г. (дата составления описи) ее сын Кази возбудил иск о разделе имения с матерью. Дело это, видимо, слушалось в народном суде Эльбрусского округа 13 декабря 1864 г.

Вернемся к содержанию описи. Первые десять номеров в описи — сундуки разного размера и самого разнообразного типа. Интересно упоминание сундука с двумя ящиками «с костяной под мозаику насечкой». Подобные сундуки выделялись в Крыму и оттуда попадали на Северный Кавказ. Такой сундук, украшенный костяной насечкой, был приобретен ГМЭ в 1971 г. на Северном Кавказе.

Упомянуты сундуки обитые железными полосами, обитые жостью «с блестками» (великоустюжский «мороз по жести») небольшой сундучок (ларчик), обитый кожей, и др.

В сборнике «Кабардинский фольклор» (М.: Academia, 1936) на с. 533 в разделе «Загадки» значится: «Ящик прямоугольный — владение царков — сундук». В доме Докан мы и видим значительное количество сундуков, характерное для царков, т. е. знатных людей. Так и представляешь себе все эти сундуки, выстроенные в ряд на большой полке задней стены жилой комнаты. На этой же полке могли лежать в дневное время тюфяки, обитые «шелковой материей, полосатым боном, тиком», а также «пять подушек, набитых перьями и шерстью», пять одеял, покрытых шелковыми тканями, два войлока и три ковра. Впрочем, последние могли висеть на стене в комнате или в кунацкой.

На хозяйственных полках сверкали красной медью начищенные, как на выставку, предметы гордости хозяйки: два медных куба, два чайника, два кумгана — один большой для ношения воды, другой маленький (для омовения). Большой медный таз с плоским дном служил для мытья и стирки. Кроме того, значатся два таза и маленький кумган из латуни. Может быть, с этим желтым блестящим, как солнце, кумганом ходила за водой к реке вместе с матерью маленькая Докан. Такой большой набор медной посуды мог быть только в богатом доме и обычно входил в приданое хозяйки. Над огнем очага — камин висел «большой чугунный котел», а около очага лежали небольшие «щипцы для углей» и «лопатка для огня кузнечной работы». В описи она оценена в 1 руб. 50 коп. На стене висели два подноса и три деревянных ковша.

В составе утвари были и предметы «европейского» происхождения — две супницы, две стеклянные чайницы, стеклянные стаканы, фарфоровая чашка и тарелка. Еду подавали на круглом «азиатском» столике на трех ножках — *ана*. Подобные столики, использовавшиеся как блюдо, на которое клали еду, дожили до наших дней. На одной из стен висело небольшое зеркало.

Нож с костяной ручкой, служащий для прибивания утка пр" тканью галунов или тесьмы, ножицы и утюг с длинной ручкой (его нагревали в огне очага), которыми разглаживают швы, говорят о хозяйке как рукодельнице. В маленькой коробочке с накладной серебряной крышкой могли храниться нитки, иголки и другие мелочи, связанные с рукоделием.

Содержатся в этой описи и ценные предметы из костюма хозяйки. На первом месте упоминается «пояс женский красного сукна, вышитый серебром с большими серебряными пряжками с насечкой и чернью (40 руб)». Этот пояс значительно скромнее поясов ее дочери. «Женский нагрудник из красного сафьяна с 23 парами вызолоченных блях (50 руб), 16 серебряных крючков для женских рукавчиков и 13 серебряных вызолоченных штучек для пояса». Среди украшений упоминаются три золотых кольца, «одно из которых усыпано гранатами, другое с алмазом, а третье с бирюзовыми камнями» (12 руб. за все три), а также перстень серебряный с большим стразом и, наконец, два «азиатских серебряных кольца». Кольца европейской работы скорее всего были куплены в Пятигорске, во время лечения. Из одежды упоминается только старая шуба, поношенная, на куньем меху и несколько бумажных головных платков.

Хотя сведений о жилище и усадьбе семьи Карамурзиных в данном деле нет, но материалы других архивов позволяют представить себе обычное жилище кабардинца, даже князя, в этот период как турлучную, т. е. плетеную и обмазанную глиной постройку, с земляным полом и крышей, крытой камышом или соломой. На обширном дворе помещенны для скота, сена и др.

Муж Докан Батоко через несколько лет после смерти жены женился вторично на сестре князя Атажукина, представителя самой знатной фамилии Кабарды. Вскоре он «умер от раны», но при каких обстоятельствах он ее получил — неизвестно.

Вообще, если образ Докан-старшей — жены Батоко и ее отношения с мужем мы можем себе представить по документам дела довольно ясно, то сведения о Ба-

токо, вернее единичные факты его жизни, мы получаем только из текста, который формулировал претензии к нему истца — Кази Касаева, сына Докан от первого мужа. Кази относился к Батоко весьма отрицательно и все время старался обвинить его во всяких грехах. Тем не менее перед нами вырисовывается довольно типичный образ адыгского князя Батоко, знатного и богатого кабардинца, щедрого человека, лихого воина. Видимо, он был знатоком и любителем оружия. В деле упоминается дорогая шашка («восемьдесят рублей серебром»), которую подарила мужу любящая Докан. Кази возмущается, что после смерти Докан Батоко оставил шашку у себя.

Батоко был, как всякий богатый кабардинец, крупным владельцем скота, прежде всего лошадей. В тот период скот служил основной денежной единицей при оплате калыма, плате за кровь, выкупе и т. п. Кази Касаев в своих претензиях обвинил Батоко в том, что последний после смерти жены растратил много имущества, принадлежащего, по мнению истца, ему, Кази, как наследнику. Кроме того, Кази утверждал, что Батоко не заплатил полностью калым за Докан. Последнее утверждение подверглось в суде обсуждению с приглашенным эфенди и других свидетелей. Последние утверждали, что ни Батоко, ни Докан никогда не говорили о неуплате калыма. Перед смертью Батоко сказал о неуплате калыма (1400 руб) за вторую жену, сестру Атажукина, но ничего не говорил о долге за первую жену Докан.

Кази обвиняет Батоко, что после смерти жены он роздал в подарки много скота и денег и приводит цифры — 148 лошадей, 50 руб. в подарок своему брату, 30 руб. своему крестьянину. Раздача части имущества умершей предписывалась обычаем и была, как мы уже знаем, желанием самой Докан перед смертью.

Кази ставит в упрек Батоко еще ряд действий, предписанных адатом. По его словам, Батоко купил в жены крестьянину Хаджи Умару, принадлежавшему Докан, женщину у Бекмурзы Атажукина за 200 руб. Но оплата «калыма» за жену для своих крепостных возлагалась на их владельца. Калым этот поступал хозяину крепостной женщины. Таким образом, и здесь Батоко не отошел от народных обычаев.

В заявлении Кази есть и еще одно обвинение Батоко, также тесно связанное с адатом. Кази утверждает, что ему была «не уплачена кровь за крестьянина моего Бекира, преданного, как я подозреваю, (выделено нами. — Е. С.) на убийство Магомет-Амину, Карамурзиным». На чем обосновывается это «подозрение» и почему Магомет-Амин убил Бекира, непонятно. Но видно, что уплата за кровь убитого крепостного шла его владельцу, чего жадный Кази не желал упустить.

Из заявлений Кази следует упомянуть еще о некоторых фактах, имеющих исторический интерес. Кази Касаев сообщает о том, что в молодые годы он имел «общий кош» с Батоко, т. е. они совместно держали свой скот на пастбищах. Общий кош был своеобразной формой производственного объединения родственников или просто товарищей, облегчавшего содержание большого табуна лошадей или стада овец на отгонных пастбищах. Кази упоминает об этом в связи с тем, что Батоко отказался платить совместно с Кази штраф за то, что «мимо коша провели русских пленных». Штраф «за следы» русское начальство взимало в том случае, если следы похищенного скота были обнаружены около селения или коша, а начальству об этом не было доложено. Штраф взимали с жителей селения или коша, хотя бы они и не были причастны к похищению скота, «за недонесение». В данном случае штраф был связан не со скотом, а с «русскими пленными». Это указывает, во-первых, на то, что «молодые годы» Кази Касаева проходили задолго до полного «замирения», когда еще имели место военные действия, или хотя бы стычки горцев с русскими, а во-вторых, интересно в данном случае, что закон об угоне скота применен к русским пленным.

Таким образом, в этом деле мы встречаемся не только с адатом и шариатом, но и с русскими установлениями для горцев.

По словам Кази, «Батоко находился в плену у абадзехов» (одна из групп за-

падных адыгов) и «за выкуп себя из плена отдал 24 лошади и 100 коз». Кази считает, что этот выкуп также был уплачен «из моего (т. е. Казн) имения». Выкуп составлял значительную сумму, но претензии Кази и здесь остаются недоказанными. Обстоятельства того, как Батоко попал в плен к абадзехам, неизвестны.

В результате всех своих подсчетов Кази определяет долю имущества матери, якобы растраченного Батоко после ее смерти, в огромную сумму: «наличных денег 3450 руб., 150 руб., 300 руб (так в деле — Е. С.) и 148 лошадей». Насколько это близко к истине, мы проверить не можем.

Таковы данные дела, позволяющие нам судить о Батоко Карамурзине. С одной стороны, перед нами встает образ горячо любящего мужа и отца, храброго воина, с другой — Кази Касаев обвиняет его как растратчика имения матери, человека, уклоняющегося от уплаты долгов, и даже предателя. Необходимо, однако, напомнить, что эти сведения о Батоко исходят от истца Кази Касаева, его врага.

Из всех действующих лиц нашей грустной истории без характеристики остался сын Докан Касаевой-Карамурзиной от первого брака, прапорщик князь Кази Касаев. В деле упоминается, что он «живет весьма богато». Последнее не помешало ему ревностно следить за жизнью матери и ее мужа, которого в своих заявлениях он старался всячески очернить. При этом в его требованиях и исках всегда проявлялась жадность, материальная заинтересованность и ненависть к Батоко. Это видно из всех документов, проходящих в судах, куда Кази Касаев обращался трижды. Первый иск о разделе с матерью был заявлен в 1862 г., когда и была составлена опись имения Докан Касаевой-Карамурзиной. При этом разделе личные вещи Докан, а также тюфяки, подушки были полностью оставлены Докан. Дело это слушалось 12 декабря 1864 г. Видимо, вскоре Докан умерла, и в 1867 г. Кази Касаев подает в суд иск на раздел имущества умершей матери. К этому периоду относятся все его обвинения в адрес Батоко Карамурзина в растрате имущества, оставшегося у него после смерти жены. Кази обвиняет также Батоко в том, что тот не полностью заплатил за нее калым. Последний вопрос потребовал длительного обсуждения с приглашением свидетелей и эфенди, которые во многом расходились в своих показаниях, и определили недоплату в 900 руб.

Материалы судебного разбирательства всегда дают повод для суждения о правильности или неправильности ведения процесса, о самой системе построения судебных учреждений и т. п. Но это особая тема, и мы ее касаться не будем. Изложим только решение суда.

Имущество Докан Касаевой-Карамурзиной, за исключением ее личных вещей и имущества ее дочери, умершей раньше матери, должно было быть описано и поделено по шариату на четыре части, из которых три части определялись сыну — Кази Касаеву и одна часть — Батоко Карамурзину. Из этой последней четверти удерживались признанные судом долги Батоко. После этого на долю Батоко осталось 162 руб.

Кази Касаев старался не упустить ни копейки из «следуемых ему» сумм. Когда умерла, еще при жизни родителей, младшая Докан, была составлена опись, которая значит в деле под литерой Б. $\frac{2}{3}$ ее имущества получил отец, $\frac{1}{3}$ — мать. Но после смерти матери и эта $\frac{1}{3}$ вошла в раздел на четыре части, из которых Батоко получил $\frac{1}{4}$, а Кази $\frac{3}{4}$. Таким образом, Кази становится и наследником своей сводной сестры, умершей подростком.

Так, перед нашими глазами прошла повесть о любви и бессердечности, о щедрости и скарденности, события которой протекали в сложный и бурный период истории горцев Северо-Западного Кавказа.

Трое из наших действующих лиц — Докан-старшая, ее дочь Докан-младшая и муж Батоко Карамурзин — умерли. Четвертый, Кази Касаев, — истец по делу, впечатление от личности которого остается неблагоприятным. Однако мы должны быть благодарны ему, так как приводимые в его иске данные дали нам материал для наблюдений этнографического и исторического характера.